

4. Островская Е.П., Кузьминок Л.Г. *Русско-французский экономический словарь*. Москва: Русская Литеция, 2005.
5. Скурихин А.П. *Французско-русский экономический словарь*. Москва: Русский язык-Медиа: Дрофа, 2010.
6. *ABBYY Lingvo x5 – электронный словарь*.
7. Duclos T. *Dictionnaire de la banque*. 5e édition. Paris: Sefi, 2010.
8. Peyrard J., Peyrard M. *Dictionnaire de Finance*. 2e édition. Paris: Vuibert, 2011.
9. Sousi-Roubi B. *Lexique de la banque et des marchés financiers*. 6e édition/ Paris: Dunod, 2009.
10. Апресян Ю.Д. *Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика*. Москва: Восточная литература, 1995.
11. Арнольд И.В. *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013.
12. Герд А.С. *Формирование терминологической структуры русского биологического текста*. Ленинград: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1981.
13. Лейчик В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. Изд. 4-е. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.
14. Сарангова Т.А. *Терминология investor relations в русском и английском языках*. Москва: Инфра-М., 2017.
15. Степанов Ю.С. *Методы и принципы современной лингвистики*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013.
16. Татаринов В.А. *Общее терминоведение: Энциклопедический словарь*. Москва: Московский Лицей, 2006.
17. Лотте Д.С. *Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов*. Москва: Издательство АН СССР, 1941.
18. Что символизируют быки и медведи на бирже? *Открытие – брокер: учебный центр*. Available at: <https://www.opentrainer.ru/articles/cto-simvoliziruyut-byki-i-medvedi-na-birzhe>

References

1. Maskaeva A.I., Tumanova N.N. *Birzha i birzhevoe delo*. Moskva: Infra-Moskva, 2015.
2. Blagodatina A.A., Lozovskij L.Sh., Rajzberg B.A. *Finansovyy slovar'*. Moskva: Infra-M, 2002.
3. Lapusta M.G., Nikolskij P.S. *Sovremennyy finansovo-kreditnyy slovar'*. Moskva: Infra-M, 2002.
4. Ostrovskaya E.P., Kuz'minok L.G. *Russko-francuzskij 'ekonomicheskij slovar'*. Moskva: Russkaya Lyuteciya, 2005.
5. Skurikhin A.P. *Francuzsko-russkij 'ekonomicheskij slovar'*. Moskva: Russkij yazyk-Media: Drofa, 2010.
6. *ABBYY Lingvo x5 – elektronnyy slovar'*.
7. Duclos T. *Dictionnaire de la banque*. 5e édition. Paris: Sefi, 2010.
8. Peyrard J., Peyrard M. *Dictionnaire de Finance*. 2e édition. Paris: Vuibert, 2011.
9. Sousi-Roubi B. *Lexique de la banque et des marchés financiers*. 6e édition/ Paris: Dunod, 2009.
10. Апресян Ю.Д. *Избранные труды. Том 1. Leksicheskaya semantika*. Moskva: Vostochnaya literatura, 1995.
11. Arnold I.V. *Semantika. Stilistika. Interaktual'nost'*. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom», 2013.
12. Gerd A.S. *Formirovaniye terminologicheskoy struktury russkogo biologicheskogo teksta*. Leningrad: LGU im. A.A. Zhdanova, 1981.
13. Lejchik V.M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura*. Izd. 4-e. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom», 2009.
14. Sarangova T.A. *Terminologiya investor relations v russkom i angliyskom yazykah*. Moskva: Infra-M., 2017.
15. Stepanov Yu.S. *Metody i principy sovremennoy lingvistiki*. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom», 2013.
16. Tatarinov V.A. *Obschee terminovedeniye: 'Enciklopedicheskij slovar'*. Moskva: Moskovskij Licej, 2006.
17. Lotte D.S. *Nekotoryye principal'nye voprosy otbora i postroeniya nauchno-tehnicheskikh terminov*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941.
18. Chto simvoliziruyut byki i medvedi na birzhe? *Otkrytie – broker: uchebnyy centr*. Available at: <https://www.opentrainer.ru/articles/cto-simvoliziruyut-byki-i-medvedi-na-birzhe>

Статья поступила в редакцию 29.11.18

УДК 811

Moskvina T.N., Cand. of Sciences (Philology), Head of Department, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: moskvina@altspu.ru

LEXICAL AND SEMANTIC VARIABILITY OF THE DIALECTAL VOCABULARY: THE TEMPORAL COMPONENT OF THE DIALECTAL WORLD VIEW. The research was carried out with the financial support of the Russian Research Foundation, Project No. 17-14-22002 "Realization of temporary relations in the speech of insular Altai German dialects". The article describes lexical means of expressing temporal relations in insular German dialects. The study of means of expressing temporality allows analyzing language units of various levels on a large scale of their language interactions. The description and systematization of the means of expression of temporality makes it possible to study the dynamics of language processes in comparison with Standard German and other groups of German dialects spoken in Russia. After analyzing the vocabulary of the insular German dialect, it can be concluded that the basis of the vocabulary of the insular dialect is general German vocabulary, which has undergone phonetic and in some cases grammatical and semantic transformation.

Key words: temporality, language category, temporal relations, insular German dialects, language change.

Т.Н. Москвина, канд. филол. наук, доц., зав. каф. немецкого языка, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, E-mail: moskvina@altspu.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

Статья посвящена описанию подходов к описанию лексических средств выражения темпоральных отношений в островных немецких говорах. Их изучение позволяет рассматривать языковые единицы различных уровней в их взаимодействии. Описание и систематизация средств выражения темпоральности позволяет изучить динамику языковых процессов в сопоставлении с литературным немецким языком и другими группами немецких диалектов в России. Проанализировав лексику островного немецкого говора, можно сделать вывод, что основу словарного состава островного диалекта составляет общенемецкая лексика, которая подверглась фонетической, а в некоторых случаях грамматической и семантической трансформации.

Ключевые слова: темпоральность, категория, временные отношения, островной немецкий говор, языковое варьирование.

Введение

Среди базовых доминант, определяющих культуру российских немцев и их национальную самоидентификацию в сравнении с русской или современной немецкой культурой, следует отметить сохранившиеся в России немецкие диалекты в их различных смешанных формах и с разным уровнем сохранности. Вильгельм фон Гумбольдт сказал: «Истинная родина – это язык. Отчуждение от родного происходит всегда через язык, очень быстро и легко, хотя и тихо и незаметно». Именно поэто-

му сохранение языка этнических немцев России, а также изучение его во всех его проявлениях является не только важной лингвистической задачей научного сообщества, но и значимо для сохранения самоидентичности российских немцев.

Диалектологи в течение нескольких десятилетий занимаются изучением языка российских немцев как неотъемлемой части их национальной культуры, продолжая традиции В.М. Жирмунского, Г. Дингеса, А.П. Дульзона и Г.Г. Едига. Исследованию в различных аспектах подвергаются все языковые уровни немец-

ких диалектов: лексика и фразеология, фонетика, словообразование, морфология и синтаксис (О.А. Александров, О.В. Байкова, Н.А. Вахрушева, И.Г. Гамалей, Е.И. Граневич, И.В. Десятникова, В.А. Дятлова, А.Я. Минор, Л.И. Москалюк, Т.Н. Москвина, Ж.А. Сержанова, Ю.В. Серых, Н.В. Трубакина и др.). Подобные исследования проводились на материале немецких говоров Томской, Омской, Новосибирской, Кировской и Саратовской областей, Красноярского края. Эти традиции продолжает и молодое поколение исследователей-студентов, выпол-

няющих свои выпускные квалификационные работы на материале немецких говоров. Комплексное изучение немецких говоров в их различных региональных вариантах подготовило эмпирическую базу для описания диалектов в лингвокультурологическом аспекте. Островные немецкие диалекты представляют огромный интерес для исследователей культуры народа, как в плане изучения языковых данных, так и в плане этнографии и социолингвистики. В настоящее время проводятся интересные комплексные междисциплинарные исследования в области метаязыкового сознания, языкового портретирования и языковой биографии (О.А. Александров), межрегиональные социолингвистические исследования (Т.Б. Смирнова, Ж.А. Сержанова, Н.А. Груба). Плотность охвата изучаемых языковых явлений позволяет выйти за пределы чисто лингвистического описания, которое является неотъемлемой частью систематического описания языковых данных в синхроническом и диахроническом аспекте, и позволяет увидеть взаимосвязи функционирования и развития языка российских немцев в контексте их истории, культуры, быта и социальных контактов.

Предпосылки и задачи исследования

В Алтайском крае представлены различные группы говоров: нижненемецкие, средне- и верхненемецкие. Алтайский край остается одним из самых крупных регионов, где проживают российский немцы и где еще сохранились немецкие говоры. По данным социологических опросов, проведенных в рамках Всероссийской переписи населения 2010 г., а также более поздние микросоциологические исследования (2015 г.), 28% российских немцев считают немецкий своим родным языком, 20% свободно говорят на диалекте в семейном кругу, 38% понимают диалект, на котором говорит старшее поколение, но не используют его в процессе общения [1, с. 75 и далее]. Сопоставимую ситуацию показывают и новейшие диалектологические полевые экспедиции в Новосибирской области [2, с. 459 – 460] и Омской области [3].

В задачи островной диалектологии входит изучения языковой вариативности на всех уровнях языковой системы, в том числе и в аспекте языковых контактов и интерференции: семантическое варьирование и деривация под влиянием языка окружения, межязыковая интерференция (на уровне русский язык – островной говор и островные говоры между собой). Актуальный исследовательский проект Барнаульской диалектологической научной школы под руководством профессора Л.И. Москалюк при поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края (2017-2018 гг.) направлен на всестороннее изучение языковых средств выражения категории темпоральности. В фокусе интереса находятся разноуровневые средства выражения категории темпоральности (временные формы глагола и особенности их употребления в говорах, синтаксические средства связи, а также лексические средства выражения темпоральности как в плане их инвентаризации и описания динамики развития их значения, так и способы представления времени в языковой (диалектной) картине мира. Систематизация и изучение семантики и функционирования всего комплекса темпоральных языковых средств представляется важным именно с учетом этнокультурной специфики немецкого языка во всех его вариантах.

Инвентарь лексических единиц с темпоральным значением включает в себя номинативные единицы, обозначающие временные отрезки (время суток, названия месяцев, сложные слова с компонентом *Zeit* и др.), многочисленные наречия времени, а также предложные и беспредложные именные группы, фразеологические единицы. Выявленный методом сплошной выборки корпус слов/выражений-репрезентантов, включающий также заимствования из русского языка и фразеологические выражения, дает обширный материал для анализа концептуализации времени в речи носителей немецких диалектов. Одной из задач исследования является изучить, какие отличия в темпоральной семантике в островных немецких говорах позволяют говорить об особенностях их языковой картины мира в области восприятия времени и насколько она подвержена влиянию русской лингвокультуры. Храня в себе духовные ценности общества, будучи материальной формой накопления, хранения и передачи информации, язык играет роль механизма социальной и национальной наследственности. Вслед за В. фон Гумбольдтом ученые определяют языковую картину мира (ЯКМ) как совокупность репрезентированных в языковых единицах представлений о мире, его интерпретацией и содержит образ мира, формирующий с учетом позиций человека и его интересов. Язык, таким образом, представляет собой «когнитивную базу народа» [4, с. 138]. Национальный язык определяет все когнитивные процессы и отражает картину мира своих носителей. Это замечание справедливо и по отношению к диалекту, которому приписывается особая, структурированная по своим собственным закономерностям система значений, которые можно охарактеризовать как картину мира, т.е. систему классификаций, обобщений, коннотаций, норм, отношений, которые выступают как своеобразная когнитивная матрица для всех носителей данного диалекта.

Анализируя различные тематические группы лексики (в настоящий момент темпоральную лексику разных говоров), мы ставили задачу выявить специфические черты диалектной лексики, проследить течение семантических и деривационных процессов с целью выяснить, в чем именно проявляется специфика диалектной семантики и можно ли говорить о специфической диалектной картине мира российских немцев или она является частью общенемецкой лингвокультуры.

Общая характеристика диалектной лексики с темпоральным зна-

чением

Описание лексических средств выражения времени выявляет фрагмент наивной, обыденной картины мира, который связан с восприятием и оценкой времени. При описании времени всегда возникает вопрос о соотношении семантического содержания понятия «время» и грамматического времени, преимущественно парадигмы временных форм глагола. Есть мнение, что неглагольные выражения являются вторичными по отношению к глагольным – конституирующим семантическую категорию времени (см. [5, с. 84]). Анализ языкового материала (в разных языках) показывает, что в языковом подсознании сосуществуют различные модели времени (физическое, грамматическое, «философское» ...), и интуитивные представления о «времени жизни», его языковых воплощениях, которые влияют на наше языковое поведение ничуть не меньше, чем фактор времени грамматического. (...). Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит [5, с. 86].

Однако в исследуемых говорах наблюдаются специфические особенности в употреблении временных форм в зависимости от группы говоров. Исследователи отмечают, что число временных форм в речи носителей немецких говоров в Алтайском крае различно. Презенс является универсальной формой для выражения настоящего и будущего, может использоваться и для эмоционального повествования о прошедших событиях. Однако парадигма времен прошедшего времени неполная. Немецкие диалекты характеризуются потерей формы претерита, который сохранился только для модальных глаголов и *haben/sein*. Функционал футурума тоже ограничен (подробнее см. [6, с. 107]. Неполная парадигма временных форм в речи носителей островных говоров вызывает необходимость использования многочисленных дополнительных лексических маркеров темпоральности. А.В. Бондарко подчеркивает, что грамматическое средство создает лишь «фон», а лексические средства, накладываясь на него, выступают в качестве «спецификаторов» данного значения [7, с. 55]. Это одна из причин, объясняющих многообразие лексических единиц с темпоральной семантикой. В качестве другой причины можно назвать тот факт, что время, как базовая онтологическая категория, входит в ядро картины мира и входит в базовый словарный состав немецкого языка во всех его вариантах.

Лексический состав темпоральных маркеров включает в себя номинативные единицы, обозначающие временные отрезки (время суток, названия месяцев, сложные слова с компонентом *Zeit* и др.), многочисленные наречия времени, а также предложные и беспредложные именные группы, фразеологические единицы. Выявленный методом сплошной выборки корпус слов/выражений-репрезентантов, включающий также заимствования из русского языка и фразеологические выражения дает обширный материал для анализа концептуализации времени в речи носителей немецких диалектов. Анализируемые в работе примеры получены методом сплошной выборки из транскриптов бесед разных лет с информантами, Текстового корпуса немецких диалектов на Алтае [8], а также из диалектных словарей, словников [9] и Атласа немецких диалектов на Алтае, текстов шванков для иллюстрации темпоральной структуры диалекта.

Базовыми в темпоральной лексике островных немецких говоров являются наименования основных отрезков времени. В целом в данной группе представлены все лексические единицы, имеющиеся и в литературном немецком языке, поскольку данная группа лексики стабильна по своему составу и семантике: *Sunnntag, Owend, Mittag, Nocht, Tag*. Вариативность проявляется лишь на уровне произношения, характерного для той или иной диалектной группы: *Morche/Morjend, Tag/Tach, Johr/Jahm* др.

Наиболее крупную группу представляют собой наречия времени. В качестве основы для систематизации лексических маркеров времени была использована классификация Е.И. Шендельс, в которой выделяются 4 группы наречий по характеру и способу выражения темпорального признака [10, с. 65]. Поскольку данное исследование посвящено семантике лексических средств, выражающих темпоральные отношения, представляется возможным применить данную классификацию не только для наречий, но и для предложных и беспредложных именных групп. Первую группу составляют наречия и именные группы, уточняющие временные действия (*Wann?*): *jetzt, gester, heit, heitzutag, frihe, an solche Tage, im Frihjohr, dr Nacht, dr Herbst, in dere Zeit, die Johre u ðp*.

(1) *Ta Schnee isch tia Nacht lijakapliiwa, awa heit marjet isch e vataut.*

(2) *Wi mia keschta owet zurickkoma sin, woara t andra schun im Pet kleja un hen fescht kschloofa.*

В примере (2) мы наблюдаем также замену временного союза *als* союзом с широкой в говорах семантикой *wie*. Обоснование и подробный обзор временных союзов представлен в отдельном исследовании в рамках реализуемого проекта [11]. Особого внимания заслуживают семантические модификации союзов для выражения времени, данные факты позволяют проследить динамику семантических процессов в диахронии и показать сохранность некоторых архаичных элементов, а также новаций, характерных только для исследуемых групп говоров.

Вторую группу образуют наречия и именные группы, уточняющие соотношение между действиями (одновременность – разновременность): *früher, vorher, bald, dr annre Morjend, noch 'm Johr* и др.

(3) *Na, te Morjent sin mer Rad kefahre zu Arwait, es war noch frih, tunkel. Mit 'n Rad un ta hun ich kefalle un Pain keproche.*

(4) *T'a is viir oder seks Woche zurick kst'arwe.*

В данном случае наблюдается интерферирующее влияние русского «6 недель назад». Вариативность предлогов с темпоральным значением также является характерной особенностью островных немецких говоров.

Третью группу составляют лексемы и выражения, уточняющие продолжительность действия: *lange, schnell*. Используются и глаголы с семантикой длительности *vergehen, dauern*.

(5) *s hot ziemlich lang g' dauert, bis ich e Wäschbrett g'funne hatt.*

Lang употребляется в усеченной форме от *lange*.

(6) *'s Jahr is noch net richtig romganga, do hot' m sei Wäs Annlies widder e Mäda g' bora.* (с/ 337)

(7) *Wie e Zeitlang rum war, hot die Marie dr erschte Brief kriet.*

В четвертую группу входят наречия и именные группы, обозначающие кратность действия. В эту же группу можно отнести лексические единицы, обозначающие начало, конец и продолжительность действия, а также числительные в сочетании с обозначениями временных отрезков. В говорах вариативно представлена шкала частотности: *nie/ niemols – monchmal – oft – immer*.

(8) *E iwrich Kopje Geld hatt der niemols im Sack, war awr biße eifältich un wollt immer der reiche Mann sei.* (с. 346)

(9) *Einmal trafen unverhofft zwei alte Freunde zusammen, die sich viele Jahre nicht gesehen hatten. Beide waren jetzt schon weit über die Vierzig.*

Наречия и выражения частотности, периодичности и начала/конца действия также очень частотны: *amol/ ohmol, alsemol, paarmol, 's letzte Mol, vun jetzt oh, vun selemol, uf amol, em Ogebletj*:

(10) *Alsemol is die Erna dann, wann dr Emil net mit wollt, allanig ins Kino oder uf'n Tanz gange.*

Анализ семантики темпоральных лексических единиц позволяет сделать вывод, что в основном они совпадают по значению с литературной нормой, модификации проявляются лишь на уровне произношения и сочетаемости с предлогами. При всей стабильности значения многие лексические единицы с темпоральным значением проявляют в говорах ряд специфических черт, которые отличают говоры одной группы от другой и от литературного немецкого языка.

Семантическая деривация и интерференция в темпоральной лексике

Изучение семантических корреляций на междиалектном уровне представляет собой перспективное поле для дальнейших диалектологических исследований в диахроническом и синхроническом аспектах, поскольку в результате смешения немецких говоров и при контакте с русским языком наблюдается «обмен» и взаимопроникновение лексических единиц и отдельных значений. Изучение всех возможных контекстов употребления слова неразрывно связано с понятием семантической деривации, которое в широком смысле как семантическое словообразование включает в себя помимо аффиксального словообразования также различные способы изменения исходной семантики слова. Проведя первичный анализ выявленных методом сплошной выборки из различных источников темпоральных лексических единиц, мы пришли к выводу, что в лексике говора трудно говорить изолированно о словообразовании и отдельно о семантических модификациях. В большинстве случаев образование новых слов (даже по регулярным и типичным моделям) сопровождается зачастую семантическим сдвигом. Мы связываем это именно с изолированным характером развития островных немецких говоров, со значительным интерферирующим влиянием русского языка и с постоянно снижающейся диалектной компетентностью носителей говора, когда нарушаются внутренние языковые модели и образуются новые.

Подобные явления можно отнести к закономерностям развития языковых островов, когда развивается вариативность и наблюдается расхождение значений даже у близкородственных или территориально близких говоров (см. [2; 12]). Исследователи отмечают, что нижненемецкие говоры в меньшей степени подвержены изменению и внешнему влиянию. Это обусловлено образом жизни меннонитов, их традициями. Однако сами носители нижненемецких говоров на современном этапе осознают и принимают смешанный характер своей этнокультурной и языковой ситуации, о чем свидетельствуют полевые исследования в Омской области. Респонденты отмечают утрату «единого смыслового пространства, формировавшего на протяжении веков единую картину миру немцев-меннонитов России...» [3, с. 55 и далее].

Анализируя словообразовательные модели, используемые в немецких говорах, можно сделать вывод о их регулярности. Все продуктивные модели представлены достаточно частотно, при этом правилам подчиняются также заимствования и гибридные образования из заимствованного русского слова и немецкого. Например: *stainalt, bejohrt, Herbstwetta, Juchentzieht (Jugendzeit), ditjohrsch (diesjährig)*. К интересным случаям словообразовательной деривации можно отнести также достаточно продуктивную в говорах модель словосложения с компонентами *ehe/ eher: aiajestre (vorgestern = ehergestern)*.

Встречаются также уникальные случаи конверсии, которые зафиксированы в словаре Г.Г. Едига и его коллег [9], но требуют дополнительного изучения. Так, в его словаре нижненемецкой лексики встречается глагол *dache* (tagen) от существительного *Daach* (Tag), причем в значении «светать». Возможно, мы имеем дело здесь с метонимическим переносом «светлый день» на действие «светать», по аналогии с *Alter – altern*. Особого внимания в данном контексте заслуживает и глагол *t'aste* (zeiten = Hochzeitfeiern), образованного от существительного *Zeit*, которая претерпела множество семантических изменений в говорах. Zeit

восходит этимологически к древнеиндийскому *daya* в значении «доля чего-либо, предназначение». На наш взгляд, это является универсальным способом переноса на жизнь как нечто данное нам (*gute/ schlechte Zeiten*), отрезок жизни. Дальнейшие изменения отмечаются в средневерхненемецком, где произошел семантический сдвиг и *Zeit* имело также значение *Fest* (*Hochzeit = hoheZeit*). Значение «праздник» приняло на себя и существительное *Tag*. Сложные слова с компонентом *Tag* в значении «праздник», «особый день» или «период» являются достаточно продуктивными и частотными во всех говорах: *Heljedaach* (heiler Tag = Feiertag), *Tohdach* (Zahltag), *Schwejnedaach* (Schweinetaag = Tag, an dem Schweine geschlachtet werden) и т. д.

Словообразование «по аналогии» – это самый распространенный способ образования новых слов. Так, по аналогии с *Abendessen/ Abendmahl* в говорах встречается и *Morgenessen*:

(11) *„Jo, Gott sei Dank. War des is jetzt kaa Liesje meh, des is jetzt e Liesbeth. Neinzich wiegtse. Vor'm Morgendesse...“*

Литературное слово *Frühstück* трансформировано в *Morgendesse*. Мы наблюдаем корреляцию временных номинаций *früh/ Morgen*, когда для обозначения одного явления, содержащего в себе темпоральную сему, используются сходная по семантике, но при этом данная сложная лексическая единица является нехарактерной для литературного немецкого языка. При этом встречаются и случаи обратного метонимического переноса «время → характерное для него действие», *Mittag – Mittagessen*, по аналогии с *ZuAbendessen*:

(12) *„Vor e halb Stunn hoste e Schissel vol Kraut un Dicke wegg'schlageun jetzt aach den ganze Brote, wu ich uf dr Mittag in Ofeg'schubt hatt.“*

В данном примере наблюдается также интерферирующее влияние русского языка «на обед». Аналогичным является и метонимический перенос в выражении „Owentkoeche“ по принципу «время – выполняемое действие».

Другим примером образования по аналогии является *Spätjahr/Herbst* по аналогии к *Frühjahr/Frühling*. При этом *Spätjahr* зафиксировано еще в 16–17 вв., было вытеснено существительным *Herbst*. Возможно, мы имеем дело с сохранением архаичной формы. Этимологические данные свидетельствуют, что *Jahr* обозначало изначально лишь «движение солнца», смена времен года была обусловлена климатом и ареалом проживания, поэтому использовались такие недифференцированные названия как *Frühjahr/ Spätjahr* [13, с. 31].

(13) *Ja, so en Winta hema noch nimals khat, wi in tem Joha, hema imma Schnee pis iwa t Ohre khat, un te Frihjah, wann tes alles tout, not wa viil Wassa in unsam Torf, pe te Leit wa dashe te Kella unam Wassa, un jetzt te Frihjah krija ma a ko Wassa. Un te Spätja wa kill, awa a warm hema pis te letschte Tak im Hof kschaft, t Pletta alle zamme. ...*

Темпоральная лексика островных немецких диалектов является относительно устойчивой по своему составу и семантике. Но интерферирующие влияния русского языка проявляются в виде отдельных заимствований и встречающихся в говорах семантических заимствований в корпусе темпоральной лексики:

(14) *Heit hun ich Wychodnoj.*

(15) *Noch solche Vögel such ich schun lang. ... So Materijal is redke ...*

Подобные включения можно отнести к переключению кода в случае низкого уровня владения диалектом. Несмотря на то, что островные немецкие говоры развиваются в окружении и под влиянием русского языка, заимствования из русского языка встречаются редко, что можно объяснить многочисленностью и сохранностью данной тематической группы. Интерферирующее влияние русского языка проявляется в использовании предлогов и грамматических характеристик слов. Вместо немецкого *fürdreij Jahre* используется калька русского предлога «на» – *auf* и еще один дополнительный конкретизатор «вперед» – *voraus*:

Лексема *Weile (Weilje, Weil)* является очень частотной в говорах. В большинстве случаев ее употребление соответствует литературной норме, однако в ряде случаев наблюдается нестандартное сочетание с союзом *über*, что можно отнести к явлениям интерференции с русским языком:

(16) *Iwr e Weilje is r' ufg' wacht un hot g' frocht: „Annies, ich hun woll schon zu Morched zasse oder net?“*

(17) *Des Kind is noch gar net do, un do kaafte se schon alles was es brauch uf drei Johr voraus.*

Употребление пространственного предлога характерно для немецких говоров в России в целом. В следующем примере наблюдается также нетипичное нарушение порядка слов, обстоятельства места и времени не разорваны и находятся в позиции перед спрягаемой формой глагола. Возможно это проявление неразрывности в сознании пространственно-временного континуума, которое отражается и на уровне синтаксиса.

(18) *In dr Stadt iwer Nacht bleiwe konnt ich net, do wär mei Mottr nährisch worre.*

Выявление влияния и проникновения русского языка в темпоральную лексику говоров может представлять собой отдельный аспект изучения. Наиболее характерным для диалектной лексики является семантическое заимствование, когда заимствуется реалья или предмет, а форма слова формируется из значений аналогов из немецкого языка, как, например, *Sommerküche/ Sommerstube* (летняя кухня) в их фонетических вариантах.

Заключительные замечания

Проанализировав лексику островного немецкого говора, можно сделать вывод, что основу словарного состава островного диалекта составляет общенемецкая лексика, которая подверглась фонетической, а в некоторых случаях грамматической и семантической трансформации.

Островной говор, как и культура российских немцев, приобретает с течением времени некоторые черты картины мира языка окружения, но не ассимилируется полностью. Заимствования дополняют специфические черты картины мира, не меняя её, поскольку в процессах номинации используются внутренние формы и образы, характерные как для других немецких диалектов, так и для немецкого языка в целом. Можно сказать, что носители диалекта, являясь би-

лингвами с разным уровнем языковой компетенции, обладают сложной языковой картиной мира, объединяющей в себе элементы немецкой и русской языковых картин мира.

Библиографический список

1. Смирнова Т.Б. Мониторинг общественных организаций российских немцев. *Материалы Международной научно-практической языковой конференции, 30 марта – 2 апреля 2015*, Москва: МСНК-Пресс, 2016: 75 – 81.
2. Александров О.А., Лузик О.А., Щеголихина Ю.В. Немцы Новосибирской области в аспекте многоязычия (первые итоги полевой работы). *Российский гуманитарный журнал*. 2017; Т. 6, № 6: 457 – 467.
3. Сержанова Ж.А., Груба Н.А. Немцы-мennonиты Омской области: к вопросу об этнокультурной идентичности. *Этнокультурная динамика*; 2017; 2 (55): 54 – 61.
4. Корнилов О.А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. Москва: ЧеРо, 2003.
5. Яковлева Е.С. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. Москва: Гнозис, 1994.
6. Москалюк Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Барнаул: Издательство БГПУ, 2002.
7. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность, Модальность*. Под редакцией А.В. Бондарко А.В. Москва: 1990.
8. Москалюк Л.И., Москвина Т.Н., Трубакина Н.В. *Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований*. Барнаул: АлтГПА, 2014.
9. Валл Х.И. Ведель С.К., Едиг Г.Г. Из опыта работы по сбору словарного материала нижненемецких говоров. Ч. 4. *Вопросы диалектологии и истории немецкого языка*. Омск, 1981: 25 – 66.
10. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. *Грамматико-лексические поля в современном немецком языке*. Москва: Просвещение, 1969.
11. Трубакина Н.В. Временные союзы в структуре сложного предложения в островных немецких говорах. *Мир науки, культуры, образования*. 2017; 5 (66): 326 – 237.
12. Москалюк Л.И. Особенности развития лексико-семантической системы немецких говоров на Алтае. *Сибирский филологический журнал*. 2018; 2: 196 – 207.
13. Legros W. *Was die Wörter erzählen*. München: dtv-Verlag, 2004.

References

1. Smirnova T.B. Monitoring obshchestvennykh organizatsij rossijskikh nemcev. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy yazykovoj konferencii, 30 marta – 2 aprelya 2015*, Moskva: MSNK-Press, 2016: 75 – 81.
2. Aleksandrov O.A., Luzik O.A., Schegolikhina Yu.V. Nemcy Novosibirskoj oblasti v aspekte mnogoyazychiya (pervye itogi polevoj raboty). *Rossiiskij humanitarnyj zhurnal*. 2017; T. 6, № 6: 457 – 467.
3. Serzhanova Zh.A., Gruba N.A. Nemcy-mennonity Omskoj oblasti: k voprosu ob 'etnokul'turnoj identichnosti'. *Etnokul'turnaya dinamika*; 2017; 2 (55): 54 – 61.
4. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nykh mentalitetov*. Moskva: CheRo, 2003.
5. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira (modell prostranstva, vremeni i vospriyatija)*. Moskva: Gnozis, 1994.
6. Moskaliuk L.I. *Sovremennoe sostoyaniye ostrovnykh nemekikh dialektov*. Barnaul: Barnaul: Izdatel'stvo BGPU, 2002.
7. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost', Modal'nost'*. Pod redakciej A.V. Bondarko A.V. Moskva: 1990.
8. Moskaliuk L.I., Moskvina T.N., Trubavina N.V. *Tekstovyy korpus ostrovnykh nemekikh govorov Altajskogo kraya: osnovnye napravleniya i rezul'taty issledovanij*. Barnaul: AltGPA, 2014.
9. Vall H.I. Vedel' S.K., Edig G.G. Iz opyta raboty po sboru slovarnogo materiala nizhenemekikh govorov. Ch. 4. *Voprosy dialektologii i istorii nemeckogo yazyka*. Omsk, 1981: 25 – 66.
10. Gulyga E.V., Shendel's E.I. *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemeckom yazyke*. Moskva: Prosveschenie, 1969.
11. Trubavina N.V. Vremennyye soyuzy v strukture slozhnogo predlozheniya v ostrovnykh nemekikh govorah. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2017; 5 (66): 326 – 237.
12. Moskaliuk L.I. Osobennosti razvitiya leksiko-semanticheskoy sistemy nemekikh govorov na Altae. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2018; 2: 196 – 207.
13. Legros W. *Was die Wörter erzählen*. München: dtv-Verlag, 2004.

Статья поступила в редакцию 26.11.18

УДК 81'367

Polikarpova O.N., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Language, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: 010319@mail.ru

Polikarpov I.A., Cand. of Sciences (History), senior teacher, Department of Psychology and Pedagogics in Internal Affairs, Barnaul Law Institute of Interior Ministry of Russia (Barnaul, Russia), E-mail: ivanpolikarpoff@mail.ru

CHARACTERISTIC ASPECTS OF EPISTEMIC PARENTHESIS. The article is focused on epistemic modality and proceeding from its meanings there are exponents of epistemic senses in parenthesis marked, in particular, experientive (probably, certainly, possibly, supposedly, undoubtedly, presumably), evidential (obviously, evidently, unquestionably, clearly, apparently) and quotative (conceivably, allegedly, reportedly, arguably). Within epistemic introduction the authors allocate subtypes, which express various degrees of certainty, various degrees of possibility, and the introductory words that indicate another person's opinion. To confirm the theory the authors conduct definitional analysis of parenthesis which compose epistemic micro field. While studying this parenthetical type they pay attention to the functional yield in terms of expression as well as to the position of epistemic components along with the influence on the meaning of the saying.

Key words: epistemic modality, epistemic parenthesis, probability, uncertainty, assurance, categoricity, remoteness, referential situation, producer, recipient.

О.Н. Поликарпова, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, E-mail: 010319@mail.ru

И.А. Поликарпов, канд. ист. наук, ст. преп. каф. психологии и педагогики, Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, E-mail: ivanpolikarpoff@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ПАРАНТЕЗЫ

В данной статье авторы рассматривают эпистемическую модальность и, отталкиваясь от ее значений, выделяют экспоненты эпистемических смыслов в парантезе, а именно экспириенсив (probably, certainly, possibly, supposedly, undoubtedly, presumably), эвидентив (obviously, evidently, unquestionably, clearly, apparently), и квотатив (conceivably, allegedly, reportedly, arguably). В рамках эпистемической вводности выделяются подтипы, которые выражают различную степень уверенности, различную степень возможности, а также вводные единицы, отсылающие к чужому мнению. Авторами, в подтверждение сказанного, проводится дефиниционный анализ парантетических компонентов, составляющих эпистемическое микрополе. Акцентируется внимание на функциональной нагрузке данного типа парантезы в плане выражения, а также на позиции эпистемических компонентов и их влияние на смысл высказывания.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эпистемическая парантеза, вероятность, сомнительность, уверенность, категоричность, отстранённость, референтная ситуация, продуцент, реципиент.

Психологические, социальные и прагматические аспекты речевого поведения личности играют ключевую роль в развитие концепции деятельности личности